

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМОГЕНЕЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Карпов

член-корр. РАО, д.пс.н., профессор,
заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии
декан факультета психологии ЯрГУ
Россия, Ярославль

В.Д. Шадриков

академик РАО, д.пс.н., профессор кафедры общей и экспериментальной психологии
департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ
Россия, Москва

Аннотация. Представлены теоретические и методологические материалы, обосновывающие необходимость и намечающие пути разработки обобщающей, интегральной концепции системогенеза деятельности. В ее рамках обеспечивается концептуальный синтез представлений об основных закономерностях системогенеза трех основных типов деятельности – игровой, учебной и трудовой. Рассматриваются некоторые основные положения интегральной концепции системогенеза деятельности.

Ключевые слова: системогенез, интегральная концепции системогенеза, типы деятельности, трудовая деятельность, учебная деятельность, игровая деятельность, принципы системогенеза.

В ряде наших предыдущих работ (в частности, [2, 3]) было обосновано положение, согласно которому генезис игровой деятельности, равно как и генезис двух иных основных типов деятельности – учебной и трудовой [5], подчиняется всем основным закономерностям системогенетического характера и представляет собой, в силу этого, системогенез. В результате этого происходит концептуальное расширение самой теории системогенеза; она распространена на такую сферу – на такую предметную область, которая до сих пор не была охвачена ей. Вместе с тем, процесс системогенеза подвергается по отношению к данному типу деятельности достаточно глубокой и многоаспектной спецификации – спецификации, быть может, еще более выраженной, нежели по отношению к учебной деятельности.

Далее, следует обязательно учитывать то, что в результате такого расширения было осуществлено не только и не просто включение в данную теорию «еще одного» основного типа деятельности. Принципиальное значение имеет то, что за счет этого в данную теорию включается *последний* – так сказать «оставшийся» из трех традиционно выделяемых основных типов деятельности. Однако это же означает, что в теорию системогенеза оказываются включенными не «те или иные» типы деятельности, а *все существующие* типы. Следовательно, она обретает не только полноту и завершенность в плане охвата ею типов деятельности, но и, фактически, *исчерпывающий* в этом отношении характер. Синтетическое, то есть обобщенное рассмотрение особенностей и закономерностей генезиса всех трех основных типов деятельности в их взаимосвязи и взаимопреемственности является объективно необходимым (и, соответственно, гносеологически императивным) условием формулировки аналогичных, то есть также *обобщающих* представлений о системогенезе деятельности в целом. Лишь при этом условии концепция системогенеза обретает необходимую степень полноты и завершенности, поскольку включает в себя *все* основные типы деятельности, а не только их часть. Другими словами, включение в сферу системогенетической теории игровой деятельности – это не просто ее «дополнение», а в известном смысле – и *завершение* (разумеется, не в плане глубины ее концептуального содержания, а в плане охвата предметной области исследования).

Еще более принципиальным и имплицитным является то, что генезис игровой деятельности, равно как и сам феномен детской игры помимо, разумеется, своего собственного – огромного значения, раскрывается еще одной его важнейшей гранью, предстает в еще одной своей функции. Он эксплицируется в качестве объективно необходимого этапа генезиса иных – последующих за игровой деятельностью ее основных типов (учебной и трудовой). Это означает, что он, фактически, выступает в *инструментальной* функции и по отношению к ним. В связи с этим можно сказать и так: генезис игровой деятельности – это конечно, ее собственное формирование и развитие. Однако этот же

генезис является и этапом, уровнем и комплексным средством, а потому – и органической составной частью генезиса двух иных основных типов деятельности.

Отсюда вытекает и еще одно следствие. Генезис трех основных типов деятельности раскрывается в качестве трех основных *макроэтапов* общего процесса формирования и развития – генезиса деятельностной формы активности личности в целом. Данные этапы образуют в своей совокупности *макрогенез* этой формы – становление и развитие деятельностной формы активности как таковой. Это – процесс формирования и развития не тех или иных *типов* деятельности (пусть – и основных) как *видовых* образований, а генезис общей психологической архитектоники *Деятельности* как *родовой* сущности по отношению к своим частным – видовым экспликациям. В этом глобальном процессе макрогенеза особое место как раз и принадлежит формированию и развитию игровой деятельности. Она является *первым* из формирующихся в процесс ее онтогенеза типом деятельности, в которой осуществляется не только формирование и развитие важнейших психических образований, но и их возникновение – фактическое *складывание* (и даже *закладывание*). Кроме того, именно *поэтому же* ее собственный генезис выполняет очень важную – инструментальную функцию по отношению к генезису двух других основных типов деятельности.

При этом следует учитывать, что одной из главных причин, сдерживающих разработку психологии деятельности в целом, является так сказать «общее отношение» к самой категории деятельности. Точнее говоря, это трактовка понятия деятельности именно в качестве *категории* (то есть конструкта, обладающего *максимальной* степенью обобщенности). Известно, однако, что одним из важнейших гносеологических условий и даже – средств решения той или иной научной проблемы, разработки того или иного понятия является их *включение* в какой-либо – более *общий* концептуальный контекст. Если последовательно реализовать данную – *общую* гносеологическую закономерность, то не только можно, но и необходимо рассмотреть саму деятельность не как «верховную инстанцию», не как родовое понятие, а как «составляющую» чего-либо более *общего*. Необходимо трансформировать категорию деятельности из *родового* образования (и, соответственно, понятия) в *видовое* – в образование и понятие, являющиеся *частными* случаями чего-либо более общего.

С этих позиций деятельность как таковая в ее строгом и непосредственном, то есть именно *конкретно-научном* – собственно психологическом смысле раскрывается, однако, как *частный* случай, как одна из разновидностей и форм *регуляции* взаимодействия двух (или более) систем. По отношению к деятельности, это, разумеется, регуляция взаимодействия двух совершенно определенных систем – субъекта и объекта, что, кстати говоря, и зафиксировано в «классической деятельностной триаде» (*субъект* деятельности – *процесс* деятельности – *объект* деятельности). Однако, если это так, то на данный случай – именно как *частный* должны быть перенесены (хотя, не исключено, и в специфицированной форме) *общие* закономерности, представления о которых разработаны в теории регуляции и теории координации. *Общерегулятивные закономерности* должны выступать поэтому в качестве интерпретационного средства для объяснения закономерностей организации деятельности.

Еще одно – быть может, наиболее принципиально заключение, которое также с необходимостью вытекает из обобщенного рассмотрения системогенеза трех основных типов деятельности, состоит в следующем. С одной стороны, оно позволило охватить системогенетическим подходом тот основной тип деятельности, который пока не был изучен с его позиций. В результате оказалось, что и он тоже подчиняется системогенетическим закономерностям. Следовательно, *все* известные основные типы деятельности эксплицируют свою подчиненность именно системогенетическому типу формирования и развития. С другой стороны, анализ показал также, что их генезис синтезирован в более общий процесс *макрогенеза* всех этих трех основных типов деятельности. Он – и это наиболее принципиально – также разворачивается как процесс системогенеза. Тем самым, можно, а на наш взгляд, – и нужно дифференцировать два уровня обобщенности теоретических представлений в рамках системогенетического подхода. Во-первых, – это уровень частных, специальных теорий, каждая из которых раскрывает закономерности формирования и развития того или иного основного типа деятельности. С этих позиций можно и нужно говорить о концепции системогенеза профессиональной деятельности, а также об аналогичных концепциях системогенеза учебной и игровой деятельности. Они тем самым эксплицируются как частные, специальные системогенетические концепции. Во-вторых, – это уровень обобщенных представлений, в которых синтезированы закономерности генезиса всех трех основных типов деятельности, а также раскрыты закономерности их макрогенеза в целом. На этом уровне теория системогенеза обретает качественно новый уровень полноты и степени

интегативности охвата ею как всех основных типов деятельности, так и базовых категорий закономерностей, которым подчиняются и они сами в целом, и их генезис, в особенности.

Далее, немаловажно подчеркнуть, что с позиций сформулированных выше представлений онтогенетическая смена основных типов деятельности предстает, фактически, как единый процесс, характеризующийся принципиальной общностью его смысла и ведущей направленности. Он раскрывается в качестве последовательной и закономерной смены различных степеней совершенства (и, соответственно, – «мощности») единого по своей сути и функциональному предназначению общесистемного регулятивного инварианта. Он образован такими средствами, которые необходимы и достаточны для обеспечения эффективного взаимодействия систем со «средой» в беспрецедентно широком диапазоне изменений как самих типов систем, так и разнообразия «сред взаимодействия». Данный инвариант причем, не только в его содержательном аспекте, но и в его темпоральном плане, то есть во временной «развертке», образован определенной совокупностью регулятивных процессов. Он включает в себя следующие процессы: целеобразование, антиципацию, прогнозирование, принятие решения, планирование, программирование, контроль, самоконтроль.

В свете сказанного становится существенно более понятной и еще одна особенность, а одновременно – и принципиальная трудность развития теории деятельности. Она состоит в том, что очень трудно или даже невозможно провести четкую дифференциацию основных типов деятельности; установить, так сказать, «демаркационные линии» между ними. Как известно, их дифференциация носит, в основном, подчеркнута эмпирико-феноменологический характер, а поиск четких и теоретически обоснованных критериев их разделения, как правило, либо не выступает в качестве самостоятельной задачи, либо (если выступает), то не приводит обычно к успеху. В реальности эти типы постоянно и систематически «взаимопроникают» друг в друга; они «накладываются» друг на друга и не являются так сказать «дизъюнктивно отчлененными» сущностями. Вместе с тем, с позиций развитой выше интерпретации этих типов – в качестве различных форм (и степеней совершенства) регулятивного инварианта данная трудность в значительной мере преодолевается. Основные типы деятельности эксплицируются в качестве различных – частных проявлений некоторой общей сущности, а потому их принципиальная недизъюнктивность становится не только совершенно объяснимой, но и вполне естественной и даже – необходимой. Они не могут не «пересекаться» и не «взаимопроникать» друг в друга, поскольку являются, фактически, хотя и качественно своеобразными, но все же именно спецификациями единой сущности – общесистемного регулятивного инварианта.

Следует специально подчеркнуть, что данный регулятивный инвариант потому и является *инвариантом*, что в значительной степени «безразличен» к содержанию и даже к типам систем, в которых он может реализовываться. Он выступает как необходимый и достаточный для их регуляции. Но это означает, в свою очередь, что он обладает и очень высокой степенью обобщенности; он носит, действительно, общий, точнее – общесистемный характер. Собственно говоря, именно поэтому он и является не просто «регулятивным инвариантом», а именно *общесистемным* регулятивным инвариантом. Проявления такого общего (или даже всеобщего) характера данного инварианта многочисленны и в принципе достаточно хорошо известны; они, фактически, повсеместны. Они зафиксированы и подробно изучены и в общей теории систем, и в теории организаций, и в теории координации, и психологии управления, и в общей психологии (равно, как, впрочем, и в целом ряде иных научных дисциплин). Данный инвариант составляет основное содержание и процессуальное «ядро» *регулятивной подсистемы* психики.

На основе сформулированных положений можно, далее, высказать ряд дополнительных суждений относительно характера и общего смысла генезиса форм и типов деятельности в процессе возрастного развития. Действительно, с одной стороны, не подлежит сомнению, что три основных – традиционно дифференцируемых типа деятельности (игровая, учебная, трудовая) характеризуются глубокими, то есть именно качественными различиями в уровне сформированности данного регулятивного инварианта. Они глубоко различны по мере его развитости и, соответственно, совершенства. Это означает, что в каждом из них он представлен на качественно разном уровне сформированности системы интегральных процессов в целом и каждого из них в отдельности. Однако, с другой стороны, с этих же позиций и сами основные типы деятельности раскрываются в несколько ином свете и в ином «предназначении». Они эксплицируются в качестве средств и организационных форм, в качестве общего – комплексного контекста для формирования и развития самого регулятивного инварианта. Данный инвариант, повторяем, представлен на уровне психики не в его «абстрактно-всеобщей» форме, а в форме совершенно конкретной – в качестве класса интегральных процессов. Эти процессы, в свою очередь, образуют «процессуальное ядро»

регулятивной подсистемы в целом. С этих позиций закономерности последовательной смены основных типов деятельности (игра – учение – труд) предстают как обусловленные логикой развития системы интегральных процессов, логикой развития и совершенствовании регулятивного инварианта.

Итак, логика смены основных типов деятельности, равно как и сама их дифференциация, является не только генетически обусловленной (и, следовательно, и генетически относительной). Она имеет в своей основе также и наиболее общие, глубинные закономерности генезиса самой регулятивной подсистемы психики. Несколько схематизируя, можно сказать и так: необходимость формирования и совершенствования регулятивной подсистемы «диктует» состав и логику смены основных типов деятельности. Игра, учение и труд выступают с этих позиций как объективно необходимые, последовательно сменяющие друг друга этапы качественного совершенствования регулятивного инварианта и, следовательно, всей регулятивной подсистемы психики. Процесс генезиса регулятивной подсистемы, в основе которого, в свою очередь, лежит генезис регулятивного инварианта, выступает как более общий. Он задает собой метаконтекст для развития каждого из основных типов деятельности и даже для их совокупного – общего развития, для их последовательной и закономерной смены.

В связи с этим, можно говорить о некотором общем онтогенезе деятельности, точнее – о ее *макрогенезе* в ходе общего онтогенетического развития личности. Он представляет собой единый и внутренне организованный процесс, включающий как формирование отдельных типов, так и общую организацию их последовательной смены на всем продолжении онтогенеза. В связи с этим, становится очевидным следующее обстоятельство. Общее содержание и наиболее принципиальный смысл онтогенетического развития деятельности не может быть сведено лишь к тому, что в ходе этого развития формируются сами основные типы деятельности. Тем более оно не может быть понято и в плане того, что «общим вектором» такого развития является направленность их смены по отношению к формированию трудовой деятельности как наиболее развитому ее типу. И уж тем более оно не сводится к эволюционному развитию отдельных видов (а не типов) деятельности – в частности, трудовой.

Общее содержание и наиболее принципиальный смысл макропроцесса онтогенеза деятельности состоят не только, а быть может, – и не столько в этом. Дело еще и в том, что в ходе данного процесса осуществляется последовательное формирование и развитие общесистемного регулятивного инварианта взаимодействия личности со «средой», человека с миром. Оно, в свою очередь, подчиняется общим закономерностям системного типа. Данный инвариант принимает в ходе развертывания данного процесса различные формы и степени своей воплощенности в активности личности и, следовательно, различные уровни его совершенства. Эти формы и уровни составляют суть того, что на эмпирико-феноменологическом уровне эксплицируется как основные типы деятельности. В данном контексте несколько по-новому предстает и само понятие деятельности. Она раскрывается в качестве одной из экспликаций действия общесистемного регулятивного инварианта; в качестве очень комплексного, но все же так сказать «технологического», организационного средства, направленного на регуляцию взаимодействия «человека и мира». Наряду, разумеется, с сохранением всех иных своих атрибутов, которые очень подробно охарактеризованы и в психологии, и в философии, она обретает и более конкретный по содержанию, хотя и очень общий по значению, статус. Она эксплицируется и в качестве системы операционных средств, в качестве так сказать «технологии» взаимодействия «человека и мира». Поэтому и ее онтогенетическое развитие означает (и включает в себя) не только формирование основных типов деятельности (и уже тем более – ее конкретных видов), но и формирование Деятельности как наиболее обобщенного операционно-регулятивного средства («технологии») взаимодействия «человека и мира».

Другими словами, формируется своего рода абстрагированная по отношению к типам и видам, но совершенно конкретная по психологическому содержанию форма организации субъектного взаимодействия. Ей и выступает система интегральных процессов, синтезированная в единый общесистемный регулятивный инвариант. Он лежит в основе Деятельности, взятой в ее максимально обобщенном статусе – в статусе, который реализует на уровне психического само понятие регулятивного инварианта и наполняет его конкретно-психологическим содержанием. Это содержание, взятое в аспекте его психологических механизмов и процессуальных средств, как раз и составляет «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы психики в целом. Она, как показано выше, на онтогенетически зрелых стадиях своего развития обретает специфически деятельностную организацию, то есть мультиплицирует в себе психологическую архитектуру деятельности. Такая мультипликация, в свою очередь, осуществляется посредством того, что в качестве основы регулятивной подсистемы начинает выступать совокупность специфически деятельностных,

регулятивных процессов – интегральных процессов. Они, в свою очередь, образуют содержание самого регулятивного инварианта.

Сформулированные представления позволяют предложить решение еще одного, достаточно значимого в теоретическом отношении вопроса. Он, однако, обычно не только не формулируется в явном виде, но и вообще представляется, на первый взгляд, несколько необычным, а его смысл состоит в следующем. Само существование и последовательная смена основных типов деятельности традиционно рассматривается как некоторая «данность», как нечто «уже существующее» и, собственно говоря, не нуждающееся ни в осмыслении, ни в обосновании и пр. Вместе с тем, давно назрел вопрос о том, можно ли свести все богатство и многообразие форм взаимодействия личности и мира только к этой триаде. В плане ответа на него нами было сформулировано положение, согласно которому иные – зрелые и сложные формы поведенческой активности личности, также организуются по принципам, лежащим в основе деятельности. Причем, хорошо известно и то, что все эти формы «внедеятельностной» активности не только крайне многообразны, но ничуть не проще, нежели сама профессиональная деятельность (хотя именно она практически всегда рассматривается как высший тип деятельностной активности). В их качестве можно отметить, скажем, играющее огромную роль в жизнедеятельности любого человека «рекреационное поведение» («досуговую деятельность»). Далее, в этом же ряду необходимо отметить, конечно, и сложнейшие поведенческие формы активности, связанные с преодолением личностных кризисов (в том числе и экзистенциального уровня сложности). Нельзя не отметить и аналогичные по степени сложности формы поведенческой активности, связанные с преодолением конфликтов самого разного типа и уровня, а также с организацией межличностного взаимодействия в целом. Можно отметить и такую специфическую, очень сложную форму, каковой выступает так называемое манипулятивное поведение. К анализируемой здесь категории организации личностной активности не только может, но и обязательно должно быть привлечено также понятие «внутренней деятельности», которое, как известно, имеет достаточно многочисленные экспликации в психологических исследованиях. В частности, как справедливо отмечает Д.А. Леонтьев, это его использование в контексте анализа деятельности переживания критических ситуаций (Ф.Е. Василюк); и понятие работы сновидения (З. Фрейд); и понятие работы горя (Э. Линдеман); и понятие труда восприятия искусства (Л.С. Выготский); работы суицида (Л. Фарбер); деятельности мировоззрения (Д.А. Леонтьев); работы личности (П. Жане, М.Ш. Магомед-Эминов) [4]. Наконец, и просто – подавляющее большинство случаев так называемого «бытового поведения» (при условии, разумеется, достаточно высокого уровня его сложности) также организуется в этой форме.

В целом, по-видимому, любое сколько-нибудь сложное взаимодействие с той или иной ситуацией, адаптация к ней и выход из нее практически всегда организуется в этой форме, по этому же типу. Лежащее в их основе функционирование регулятивной подсистемы, которое само организовано в деятельностной форме, организует «внешнее» поведение личности. Поэтому оно также разворачивается как деятельностно-организованное, точнее – как обретшее деятельностную форму организации. В основе этого лежит то, что эта организация осуществляется посредством все того же регулятивного инварианта (образованного совокупностью интегральных процессов), который составляет суть психической регуляции деятельности.

Итак, можно видеть, что по отношению к зрелой, сформировавшейся личности, то есть на «продвинутых» стадиях ее онтогенетического развития, любое ее сколько-нибудь сложное поведение разворачивается именно в деятельностной форме. На его организацию транспонируются и в нем мультиплицируются принципы и закономерности собственно деятельностной организации. Вся та огромная по объему и крайне значимая для личности сфера ее жизнедеятельности, которая выходит за пределы собственно профессиональной сферы (то есть за пределы третьего основного ее типа, считающегося, однако, «последним»), также представляет в собственно психологическом плане деятельностную организацию. Она выступает как деятельность, хотя уже и существенно иная, нежели трудовая, профессиональная. Она носит принципиально «пост-профессиональный», «пост-трудовой» и в этом плане – «пост-деятельностный» в целом характер (поскольку трудовая деятельность и считается традиционно «высшим и последним» ее видом).

Далее, необходимо подчеркнуть еще два следствия из проведенного выше рассмотрения. Так, представленные выше материалы в определенной мере содействуют решению одного из наиболее запутанных и дискуссионных вопросов – вопроса о соотношении понятий деятельности и поведения. Не вдаваясь во все нюансы этих дискуссий, отметим следующее. Если рассматривать поведение в его относительно наиболее сложных разновидностях и проявлениях, характерных для взрослой личности и уже «прошедших опосредствование» процессом овладения трудовой деятельностью, то достаточно

очевидным становится следующее обстоятельство. Оно (поведение) очень часто связано с решением таких задач и с преодолением таких жизненных ситуаций, которые не только не уступают по сложности и комплексности собственно профессиональным ситуациям, но и превосходят их (нередко – существенно). Кроме того, по степени своей значимости, по их роли и смыслу для личности они также очень часто превосходят собственно профессиональные ситуации. Можно, по-видимому, сказать и более категорично: эти – жизненные, то есть собственно поведенческие, «внепрофессиональные» ситуации играют для личности в общем случае существенно бóльшую роль, нежели ситуации профессионального плана. Нельзя закрывать глаза на то, что для большинства индивидов «жизнь важнее деятельности» (и сложнее нее). Соответственно и их поведенческая активность «важнее и сложнее» профессиональной деятельности.

Пора, наконец, отказаться от положения, которое до сих пор господствует в психологии (особенно в отечественной) и согласно которому именно профессиональная сфера, а соответственно – и трудовая деятельность является «важнейшей, сложнейшей и главнейшей» для личности. В реальности именно внепрофессиональная сфера очень часто (или даже – как правило) является существенно более важной и сложной, а нередко – и вообще «единственно значимой», определяя экзистенциальные основы для всего бытия личности в целом [1]. Совершенно понятно, однако, что на нее не могут не переноситься и все те средства, весь тот потенциал, в том числе – и регулятивный, которым располагает личность. Следовательно, и само это «внепрофессиональное» поведение (поведение как таковое – в целом) не может не строиться как деятельность. Оно, выходя за пределы профессиональной деятельности, тем не менее, строится принципиально так же как деятельность, но уже качественно иного типа. В основе психической регуляции поведения лежат обобщенные и генерализованные интегральные процессы, сформировавшиеся в рамках освоения предыдущих типов деятельности (игровой, учебной и особенно трудовой). Они, однако, утрачивают «привязку» к ее конкретным видам и становятся «наддеятельностными» (метадеятельностными) образованиями. Поэтому и само сложноорганизованное поведение по механизмам и операционным средствам своей организации также обретает статус деятельностного образования. В силу этого, соотношение понятий «деятельность» и «поведение» раскрывается как соотношение двух уровней, а соответственно, – и двух типов самой деятельности: деятельности «первого» и «второго порядка».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда; № проекта 16-18-10030

Библиографический список

1. Карпов А.В. Психология деятельности. В 5-т. М.: РАО, 2105.
2. Карпов А.В., Шадриков В.Д., Карпова Е.В., Субботина Л.Ю. Системогенез игровой деятельности. М.: РАО, 2017. 504 с.
3. Карпов А.В., Шадриков В.Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. М., 2017. 424 с.
4. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 431 с.
5. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 182 с.